

С. М. Лойтер

Русский детский фольклор и детская мифология. Исследования и тексты. Петрозаводск, КГПУ, 2001.

В черном–черном–черном лесу, в черном–черном–черном доме, в черной–черной–черной комнате стоит черный–черный–черный стол, на черном–черном–черном столе стоит черный–черный–черный гроб, а в том черном–черном–черном гробу лежит черный–черный–черный труп: «Отдай мое сердце!»

(Из главы:
«Современная детская мифология и школьный фольклор»)

Если не рассказывать детям будоражащие их воображение истории и сказки, остается пустое место для ужаса, который возвращается еще с большей силой, если не умеряется такими историями.

(С. Киркегор)

К фольклористам и этнографам, литературоведам и педагогам, психологам и лингвистам, которым адресована эта книга, рекомендуем добавить также философов – вспомните предупреждение «классика»: не выплесните вместе с водой ребенка!

Киркегор назвал детство парадигматической частью человеческой жизни, а взрослость – ее синтаксисом. Не это ли (риторический вопрос!) первостепенная задача философской антропологии – заняться парадигматикой человеческой жизни, или, словами Лойтер, «современной теорией детства как этапа человеческой жизни»? В свете такой теории – а также «в свете теории общения и коммуникативного поведения, теории игры как одного из универсальных понятий антропологии, истории и культуры» – и предлагается рассматривать специфику детского фольклора в данной книге. Перед нами, действительно, объект междисциплинарного исследования, который, как подчеркивает автор, «должен изучаться не только в контексте народной традиции, но и в свете современной науки о детстве (и не только педагогики и психологии)».

В своем исследовании автор выступает преемником фольклорно–этнографических изысканий Г. С. Виноградова, разделяя его безусловную убежденность в «релевантности детской этнографии», т. е. в том, что она «имеет вполне самобытные, не встречающиеся у взрослых, особенности и черты,

обусловливаемые совокупностью особенностей детского возраста». В методическом плане это приводит автора к тому принципиальному утверждению, что специфика детского фольклора может быть выявлена только «при равноценном внимании к обоим словам (а за ними явлениям) словосочетания «детский фольклор». Таким образом, в центре внимания книги – детский фольклор как сложный феномен, конституируемый, с одной стороны, принадлежностью традиции, «в основе которой типологическая преемственность и повторяемость», а с другой стороны – особенностью детского возраста как самостоятельного этапа во взаимосвязи жизни.

Среди примечательных особенностей детского фольклора, отличающих его от традиционных «взрослых» форм, автор выделяет отсутствие моножанров, отсутствие «сказителя» как одаренного носителя фольклорной традиции, а также слушателя/реципиента: «Сам факт произнесения текста, — пишет Лойтер, — совершается не в обстановке исполнитель – слушатель, а в разнообразных формах игровой активности детей, повторяющих из поколения в поколение одни и те же игровые формы творчества». Таким образом, при воспроизведении на первый план выступает не память, а именно указанные игровые формы, в которых «отражается опыт многих предшествующих поколений, соединяющийся с творчеством конкретного ребенка». Это дает основание автору не согласиться с такой классификацией детского фольклора, при которой «игровой фольклор» оказывается лишь одной из форм наряду с прочими.

Отдельного внимания в проводимом автором различении фольклорных форм – помимо отслеживания смены форм фольклора в непосредственной связи с поэтапным взрослением ребенка – заслуживает анализ *городского* (школьного) фольклора, мифопоэтическое пространство которого структурируется двумя противоположными полюсами: один, «тератологический», представлен детскими страшными историями («страшилками»)¹ и «уличным» фольклором («балансирующим на грани между бунтом и преступлением»), другой, романтический, – такой уникальной формой, как *игра в страну-мечту*. Анализ последней формы, имеющей, как подчеркивается в книге, «общечеловеческий» характер, без сомнения следует рассматривать как особый вклад автора в «науку о детстве».

Т. В. Щитцова

¹ См. в этой связи представленное в книге собрание текстов и специально составленный автором «Указатель типов и сюжетов-мотивов детских страшных историй».